Светлана Викторовна ИНЕШИНА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ-ТРАГЕДИИ В МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О ПОЖАРЕ В ТРЦ «ЗИМНЯЯ ВИШНЯ» Г. КЕМЕРОВО)[1]

В статье рассматривается репрезентация конкретного события («Пожар в ТРЦ «Зимняя вишня») в массово-информационном дискурсе, результатом которой становится конструирование его вербальной (интерпретационно-когнитивной) модели. Природа события, коммуникативные интенции автора, а также информационные ожидания адресата проявляются в интерпретации событийных фациенсов (пространственно-временная локализация, участники) и определяют моноцентрический тип интерпретационного поля события-трагедии. При этом доминирующая интерпретация события, представленная в медиатекстах многочисленных авторов, иллюстрирует кризисные отношения, сложившиеся в регионе между ключевыми социально-политическими субъектами («власть», «бизнес», «народ»).

Ключевые слова*: массово-информационный дискурс, интерпретационно-когнитивная модель события, медиаобраз региона*

Svetlana V. INESHINA

REPRESENTATION OF TRAGEDY IN MASS MEDIA DISCOURSE (A CASE STUDY OF PUBLICATIONS ON THE FIRE IN THE MALL "ZIMNIYA VISHNYA"/"WINTER CHERRY", KEMEROVO)

The article deals with the representation of a specific event ("Fire in the shopping center "Zimniya vishnya"/"Winter cherry") in the mass media discourse, the result of which is the construction of its verbal (interpretative-cognitive) model. The nature of the event, the author's communicative intentions, as well as the addressee's information expectations are manifested in the interpretation of the event facies (space-time localization, participants) and determine the monocentric type of the interpretative field of the tragic event. At the same time, the dominant interpretation of the event, presented in the media texts of numerous authors, illustrates the crisis relations that developed in the region between key socio-political actors ("power", "business", "people").

Key words*: mass-informational discourse, interpretive-cognitive model of events, media image of region*

Обилие информационных ресурсов, с высокой скоростью передающих сообщения о событиях разной значимости, позволяет аудитории максимально оперативно погрузиться в происходящую действительность. Ценность современных СМИ не только в скорости, сколько в транслировании определенной интерпретации событий. В массово-информационном дискурсе

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Кемеровской области, проект № 18-412-420003 р_а «Кузбасс: Комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона»

This work was supported by grant № 18-412-420003 p_a «Kuzbass: Complex Cognitive-discursive Study of the Regional Image» from the Russian Foundation for Basic Research and the government of Kemerovo region, Russian Federation.

конструируется модель действительности, отражающая те ценностно-смысловые компоненты события, которые закрепляются в сознании аудитории и определяют вектор его восприятия, то есть реальное событие переводится в медиадискурсивное и рассматривается в границах категории интерпретации. Вариативность событийных моделей обусловливается интерпретирующими факторами (фактор события, коммуникативная интенция автора, информационные ожидания адресата). Согласно вариативно-интерпретационной теории текста, подробно изложенной в работах Н. Д. Голева [Голев 2007], Л. Г. Ким [Ким 2012], и представленном на их основе механизме дискурсной интерпретации текста, создаваемая модель события может иметь моноцентрический или полицентрический вариант реализации [Мохирева 2017]. Интерпретационно-когнитивная модель события, под которой понимается вербализованная модель события, образованная n-количеством смысловых версий, где n – число со значением от единицы до неограниченного множества. Количество смысловых версий формирует моноцентрический (как правило, одна доминирующая версия) или полицентрический (более двух версий) вид интерпретационного поля события. Применение данного механизма дискурсной интерпретации к медиатекстам, посвященным конкретному событию, позволяет увидеть его доминирующую репрезентацию в СМИ, и, соответственно, сформировать определенную картину мира восприятия действительности. «Соответственно, когда реципиент воспринимает информацию из СМИ, он имеет дело не с конкретными событиями, фактами, явлениями (обобщенно – не с объективным бытием), а с определенным медийным образом этого бытия» [Малышева, Гриднев 2017: 58]. Интерпретационно-когнитивная модель события (или ряд моделей), отраженная в медиатекстах, также создает медиаобраз определенного субъекта, в том числе медиаобраз города или региона, раскрывая его как для внутренней, так и для внешней аудитории.

Рассмотрим данный тезис на примере медиатекстов, посвященных пожару в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», который произошел 25 марта 2018 года в г. Кемерово (Кемеровская область), и привел к гибели 60 человек. Материалом исследования стал 81 текст из 15 региональных и федеральных печатных и интернет-СМИ, вышедших в течение недели после трагедии («Российская газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Кузбасс», «Кемерово», «Медуза», «Сноб», «Colta» и др.). Исследование материала проведено посредством контент-анализа и приемов интерпретационного (смыслового) анализа.

Событие «Пожар в ТРЦ «Зимняя вишня» в медийном информационном дискурсе маркируется как неожиданно возникшее, непреднамеренное, имеющее непрогнозируемые и неконтролируемые последствия, то есть *событие-трагедия*. Отнесение события к данному типу основывается на ключевых номинациях, которые использовались при его описании: *трагедия (95 словоупотреблений), пожар (70 словоупотреблений), ЧП (10), кошмар (5), катастрофа (4), горе (2)*. Доминирующими из них стали лексемы *трагедия (95 словоупотреблений)* и *пожар (70 словоупотреблений)*. Лексема ***пожар*** в диктумном аспекте аккумулирует

смысловое значение события, указывая на то, **что** произошло. При этом, отмечается ее частотное употребление в контексте, который носит уточняющий пространство характер, так как значимо в силу природы события подчеркнуть, **где** именно произошел пожар: *пожар в Кемерово (14); пожар в «Зимней вишне» (9); пожар в торговом центре / ТЦ «Зимняя вишня» (9); пожар в торговом центре / ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерове (2); пожар в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня» (2); пожар в торговом центре (2); пожар в торговом центре «Зимняя вишня» в Кузбассе; пожар в обычном торговом центре; пожар в ТЦ в Кемерово; пожар в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня»*. Конкретизация пространства в медиатекстах (Кузбасс – Кемерово – торговый центр «Зимняя вишня») не только работает на реализацию информационной задачи, но и закрепляет в дальнейшем это событие в медиадискурсе (*пожар в «Зимней вишне»*), делая его своеобразным маркером-символом произошедшего, позволяющим аудитории и спустя время быстро понять, о чем идет речь (примеры подобных маркеров-символов хорошо известны – *«Булгария», «Хромая лошадь»*). Кроме того, авторы медиатекстов имплицитно усиливают восприятие события как трагического *(пожар в обычном торговом центре)*, подчеркивая, что пожар произошел в обычном месте, не предполагающем рисков для жизни горожан. Усиление эмоционального восприятия события происходит посредством употребления номинации *пожар* в контексте: *страшный пожар (5); страшный пожар в торгово-развлекательном центре / ТРЦ «Зимняя вишня» (2); чудовищный пожар (2); страшный пожар в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня»; страшный кемеровский пожар; трагический пожар*. Лексемы *страшный* – 1. Вызывающий, внушающий чувство страха; 2. Вызывающий тягостное, мучительное чувство, производящий тяжелое, удручающее впечатление [Словарь русского языка: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma428414.htm?cmd=1!]; и *чудовищный* – 1. Страшный, устрашающий; 2. Выходящий за пределы обычного по своим размерам, величине, силе [Словарь русского языка: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma469114.htm?cmd=1!], реализуя свое прямое значение, усиливают трагический масштаб восприятия события.

Использование лексемы ***трагедия*** (95) в модусном аспекте акцентирует внимание не только на объективном факте разрушительного возгорания здания, но и, безусловно, на наличии человеческих жертв, соответственно, меняя отношение аудитории к произошедшему. Вариативность интерпретации отражается в конкретизации пространства (уточнения, **где** произошло событие – от региона и города до конкретной локации – здания торгового центра): *трагедия в Кемерово (19); кемеровская трагедия (5); трагедия в ТЦ «Зимняя вишня» (3), трагедия в «Зимней вишне» (3); трагедия в торговом центре в Кемерове; трагедия в Кузбассе*. Эмоциональное значение номинации *трагедия* усилено контекстуальным употреблением: *массовая трагедия (5); страшная трагедия (5); жуткая трагедия с большими человеческими жертвами; ужасная трагедия; ужасная трагедия, разыгравшаяся в «Зимней вишне»; трагедии такого масштаба; страшная трагедия 25 марта с пожаром, унесшим жизни*

людей. Использование автором лексем *жуткая* – 1. Вызывающий чувство страха, тягостный, неприятный; 2. *прост*. Чрезвычайный, крайний по силе, степени проявления [Словарь русского языка: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/07/ma148922.htm?cmd=1!]; *страшная, ужасная* подчеркивает масштаб последствий события.

Значение ключевых диктумных и модусных номинаций позволяет сделать вывод о том, что в массово-информационном дискурсе событие «Пожар в ТРЦ «Зимняя вишня» репрезентируется по модели, формирующей моноцентрическое интерпретационное поле. Доминирующая смысловая версия имеет модусную «упаковку» – произошла трагедия. Данное конкретное событие в медиадискурсе становится не только фактом действительности, в силу масштаба и значимости о котором нужно проинформировать аудиторию, но и своего рода индикатором качественного состояния социально-политического устройства конкретного региона. Событие «Пожар в «Зимней вишне» в медиатекстах интерпретируется как иллюстрация нездоровых отношений «бизнес» – «власть» – «народ / простые кемеровчане». Событие как таковое, не теряя своей трагедийности, становится репрезентацией существующих в регионе проблем: *История «тулеевского социализма» — отличный пример того, как в* ***регионах устроен «идеальный симбиоз» власти и бизнеса, и к чему это в итоге приводит*** *(The Bell, 27.03.2018 г.); Конечно, конкретно в трагедии в Кемерове виноват не Путин и даже не Тулеев — они виноваты, что* ***построили вертикаль власти, которая в критические моменты не работает, а защищает саму себя*** *(Сноб, 28.03.2018 г.).* Резонансное событие стало отправной точкой для многочисленных аналитических выкладок и размышлений о его причинах, при этом речь идет не только о конкретных поводах, из-за которых началось возгорание (неисправная электропроводка, неисправная система противопожарной безопасности и ряд других). В журналистских материалах указываются такие причины, приведшие к пожару в ТРЦ «Зимняя вишня», как **коррупция** и **халатность**: *К большому числу жертв в кемеровской трагедии привело* ***«разгильдяйство» и «халатность» — так отчитываются власти перед населением, заслушав доклады ревизоров*** *(Новая газета, 28.03.2018 г.); К трагедии в торговом центре «Зимняя вишня» привели* ***преступная халатность и разгильдяйство*** *(РГ, 28.03.2018 г.); Здесь же Тулеев согласился с президентом, что беда – прямое* ***следствие разгильдяйства, халатности и попустительства*** *(КП, 28.03.2018); Трагедия в Кемерово – огромное горе для всей страны. Полезно знать, что приводит к таким катастрофическим последствиям* ***обычная коррупция*** *(The Bell, 29.03.2018 г.); Мы даже знаем причины трагедии — **человеческая жадность, глупость и коррупция** (Сноб, 31.03.2018 г.).* Выстроенная политическая система в конкретном регионе проецирует оценку российской политической системы в целом: *Состоявшийся кошмар — не кемеровский, а российский. Это не частная трагедия, а логичная и системная. Давно ли случилась пермская пластиково-пенопластовая «Хромая лошадь»? (Новая газета, 28.03.2018 г.).*

Таким образом, событие «Пожар в ТРЦ «Зимняя вишня» репрезентирует в массово-информационном дискурсе моноцентрический тип интерпретационного поля события-трагедии, который проявляется посредством доминирования ключевых характеристик. Формируя медиаобраз региона, данная интерпретационно-когнитивная модель отражает результат сложившихся и существующих в нем социальных и политических проблем. Стоит отметить, что событие интерпретируется в медиатекстах не только как частный случай, а как типичная картина, иллюстрация общероссийского системного кризиса: *А дальше выстраивается целая цепочка проблем, **итогом которой становятся трагедии, как в Кемерове или «Хромой лошади» в Перми**. (АиФ, 28.03 – 02.04.2018); Гибель детей, страшная как Хатынь, произошла в мирное время, просто от обычного русского общественного неустройства и отвратительного управления. Локальные и чрезвычайные меры будут приняты. А дальше? Что делать с **системными проблемами**? (Русский репортер, 07.04 – 21.04.2018).*

Список литературы:

Голев Н.Д. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста / Н.Д. Голев, Л.Г. Ким // Филологические науки. – 2007. – №4. – С. 80-88.

Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л.Г. Ким. – Кемеровский государственный университет, 2012. – 272 с.

Малышева Е.Г., Гриднев Н.А. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») / Е.Г. Малышева, Н.А. Гриднев // Гуманитарные исследования. – 2017. – №4. – С. 57-61.

Мохирева С. В. Медиадискурс как реализация интерпретационного потенциала события (на материале публикаций в российских СМИ): монография / С.В. Мохирева; Кемеровский государственный университет, 2017. – 147 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/0encyc.htm?cmd=1!

Инешина Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (г. Кемерово), svineshina@yandex.ru